

УДК 82 (091)
ББК 83.3(2)
д 79

Две беседы с великим русским формалистом Виктором Шкловским

д 79 Дувакин, В.Д.
Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском /
В.Д. Дувакин, В.В. Радзишевский — М.: Common place: Устная исто-
рия, 2017. — 182 с.

Две беседы с великим русским формалистом Виктором Шкловским были записаны в 1967—1968 годах Виктором Дувакиным, филологом, собиравшим архив устных воспоминаний о Маяковском. Шкловский рассказывает о своем друге-футуристе, его окружении и культуре первой трети XX века. В приложении публикуется беседа со Шкловским, записанная в 1981 году филологом и журналистом Владимиром Радзишевским. Книга была подготовлена при поддержке фонда «Устная история», который работает с уникальным аудиоархивом: в дальнейшем мы планируем совместно издать мемуары Виктора Ардова и других выдающихся деятелей культуры и искусства XX века.

Ян Левченко
Рыба-ихтиолог.
Краткий курс Шкловского

Публикуется под лицензией Creative Commons
Разрешается любое некоммерческое воспроизведение
со ссылкой на источник

Однако же ЛОКОНХ-ЗДИ⁹ ШКЛОВСКОГО КАК КЛЮЧ

Виктор Борисович Шкловский (12(24).01.1893 – 05.12.1984) прожил почти 92 года, и 75 из них занимался литературой. В декабре 1913 года он выступил с докладом «Воскрешение слова» в артистическом кабаре «Бродячая собака». С этого момента принято вести отсчет карьеры Шкловского-критика, которому будет суждено реформировать науку о литературе. Шкловский-писатель появляется на свет еще раньше: в 1907 году он публикует рассказ «Весна» в одноименном футуристическом журнале под редакцией Николая Шебуева¹. Последняя книга Шкловского, имеющая то же название, что и первый сборник научных статей «О теории прозы», была завершена в 1982 году. Несмотря на успешные попытки стать ученым, Шкловский так и остался писателем, — впрочем, не столько придумывающим историю, сколько выясняющим, как они сделаны. В его поздней книге «Тетива» (1970) есть пассаж о том, что ихтиолог не обязан быть рыбой, но ему приходится быть и тем, и другим, изучая литературу с помощью самой ли-

1 См. подробнее об этом издании: Карпов Н.А. «Болото» серебряного века. Глава 3. Дебют Марии Папер [Электронный ресурс] // Наше наследие. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001203.php (дата обращения: 27.02.2017).

тературы². В 1973 году американская славистка Эва Томпсон обыграла эту фразу в названии статьи о Шкловском — «Ихтиолог, превратившийся в рыбу»³.

Этот грамматический оборот подразумевает, что учений слился с предметом изучения: из науки перешел в литературу. Хотя гуманитариям нескольких поколений, и тем более за пределами России, Шкловский известен в первую очередь как филолог, основатель Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) и автор неувядющей концепции «остранения»⁴, согласно которой искусство и литература делают мир странным и освежают его восприятие. Писательская репутация Шкловского — продукт для внутреннего рынка. Тиражи его переводов, выпущенных авангардистским издательством *Dalkey Archive Press*, впечатляющие малы — это литература для немногочисленных любителей, а теории Шкловского стали известны по

2 Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. С. 239.

3 Thompson E. Viktor Borisovich Shklovsky, or Fish Turned Ichthyologist // Books Abroad. Winter 1973. Vol. 47. No 1, p. 79–82.

4 В декабре 2016 года мне довелось принять участие в конференции *A Hundred Years of Ostranenie*, которую организовали в университете Эрфурта профессор Хольт Майер и доктор Александра Берлина. Лишь половина докладов на ней было связано со Шкловским и даже собственно русской культурой. Значение «остранения» для гуманитарной науки давно перешагнуло границы не только истории славянской гуманитарной теории, но и славянского мира как такого. Термин, по-разному переводимый на английский (*making strange, estrangement, defamiliarization*) или для простоты не переводимый (*ostranenie*), в последнее время осваивается уже в глобальной гуманитарной науке. Еще в 2005 году два из трех тематических выпусков журнала *Poetics Today* под названием *Estrangement Revisited* были исключительно посвящены славянским контекстам, тогда как новое десятилетие обнаруживает и постколониальное измерение остранения (*Robinson D. Displacement and the Somatics of Postcolonial Culture. Columbus: Ohio State University Press, 2013*), и возможность его активного применения в ходе пересмотра теории повествования с учетом нового философского направления — спекулятивного реализма (*Askin R. Narrative and Becoming. Edinburgh University Press, 2016*).

всему миру. Связано это с тем, что гуманитарии, входившие в это общество, были первыми в филологической науке, кто провозгласил интерес к форме и демонстративно отказались от накопления фактов — стратегии, которая царила в европейском контексте еще в начале XX века. Из-за этого акцента на форме их начали называть формалистами — сначала люди старой формации, а потом и официальные советские критики. Однако прозвище, призванное обидеть, превратилось в бренд, которым начали вдохновляться многочисленные научные школы по всему миру: лингвистические кружки довоенной Европы, американская «новая критика» и, конечно, структуралисты, которые объявили «формалистов» своими предшественниками и обеспечили им громкую славу, затмившую изначальный смысл слова. «Формалисты» — определение поверхностное, но прижилось оно так жеочно, как и неправильное написание слова «остранение», в котором должно быть две буквы «н», если речь идет о «странных» вещах. В 1925 году друг Шкловского, крупнейший знаток творчества Льва Толстого и пионер лингвистического анализа кино Борис Эйхенбаум полемически откращивался от ярлыка «формалист», называя себя и своих коллег «спецификаторами»⁵. Тем не менее это не мешало ему самому использовать слово «формалисты» в личной переписке и дневниковых заметках.

Ироническая превратность истории заключалась в том, что формалисты перестали быть собой уже к концу 1920-х годов. У ОПОЯЗа не было официального устава, поэтому нельзя сказать, что он функционировал на точном отрезке времени. Первые заседания прошли в 1916 году, а в 1928 близкий ядру кружка и лично Шкловскому литературовед Юрий Тынянов пишет в соавторстве с уже на тот момент выдающимся лингвистом Романом Якобсоном, что «необходимо возрождение» общества под началом Шкловского. Этот оборот указывает на то, что ОПОЯЗ исчез еще раньше. Коллективные сборники, оформившие движение,

5 Эйхенбаум Б.М. Теория формального метода [1926] // Эйхенбаум Б.М. О литературе. Л.: Советский писатель, 1987. С. 375—408.

вышли в первой половине 1920-х. Недолго просуществовала и серия изданий Отделения истории словесных искусств во главе с Виктором Жирмунским, где формалисты вели семинары и успели воспитать поколение учеников, исправно пополнявших библиографию русской литературы почти до конца XX века (Лидия Гинзбург, Борис Бухштаб, Николай Коварский, Вениамин Каверин и др.). К 1929 году их деятельность окончательно вошла в противоречие с новой культурной политикой СССР. В 1930 году вместо того чтобы возрождать ОПОЯЗ, в статье «Памятник научной ошибке» Шкловский нехотя признал, что формализм и был такой ошибкой, которой, впрочем, не зазорно поставить на прощанье памятник.

Разжалованные формалисты занялись своими делами, избегая переднего края литературной борьбы. Им повезло не сгинуть в жерновах истории. Шкловский прожил почти век. Якобсон уехал сначала в Прагу, потом в США и ушел из жизни в типичном для американского профессора возрасте 85 лет. Эйхенбаум дотянул до 73, пережив «большой террор» ценой увольнений, издевательств и унижений. Еще одного формалиста, автора учебника «Теория литературы» Бориса Томашевского неустанно клеймили два десятилетия, но его сердце не выдержало лишь через три года после смерти Сталина, когда 67-летний ученый совершил утренний заплыв вдоль побережья Гурзуфа. Осип Брик, входивший в ОПОЯЗ как стиховед, но по большей части занимавшийся менеджментом культуры, прожил 57 лет, подтвердив риск инфарктного возраста. Тынянов умер во время войны всего в 49, но рассеянный склероз мучил его еще в 1920-е гг. Шкловский писал, как приходил к постели друга и вытаскивал его из густеющей тьмы на свет, читая Пушкина и возвращая сознание к жизни «по тропе стиха»⁶. Но, несмотря на эти ранние потери, судьба деятелей ОПОЯЗа выглядит вполне благосклонной на фоне советского беспредела, а средний возраст внушает оптимизм.

6 Шкловский В.Б. Тетива. С. 183.

Будучи основателем ОПОЯЗа, Виктор Шкловский написал мало научных работ. Однако его статьи «Искусство как прием» (1916), «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» (1917), «Строение рассказа и романа» (1919) и «Как сделан Дон-Кихот» (1920) стали классикой литературоведческой науки. После серии работ 1921 года, посвященных Мигелю де Сервантесу, Лоренсу Стерну и Василию Розанову, над ОПОЯЗом нависла политическая угроза. Весной 1922 г. Шкловский должен был предстать перед судом как левый эсер и бывший комиссар Временного правительства. Шкловский сбежал сначала в Финляндию, потом в Берлин. ОПОЯЗ лишился своего идеолога и вдохновителя, зато русская литература обрела нового писателя. Вслед за сборником «Ход коня» (собрание художественной критики Шкловского) в берлинском издательстве «Геликон» в 1923 г. вышли мемуарный роман «Сентиментальное путешествие» и эпистолярный роман «ZOO, или Письма не о любви, или Третья Элоиза». Второй роман состоял из вымышленных писем к возлюбленной, за вычетом последнего письма, в котором автор просил советское правительство принять его обратно в РСФСР. Литература оказалась инструментом управления жизнью — во всяком случае, Шкловский очень этого хотел. Пришлось ли ему платить за возвращение, узнать уже никогда не удастся⁷. Его были просто обязаны посадить сразу по возвращении, но этого так и не произошло. Если допустить, что машина для уборки людей иногда выключала секатор

⁷ Сам Шкловский, конечно, заявлял, что ему повезло. «У меня к тридцати годам были большие хвосты. Я четыре раза переходил границу. Многие мои товарищи уже сидели. Что меня не арестовали — чистая случайность. Так вышло (с гордостью), что я ни одного дня не сидел» (цит. по: Чудаков А.Л. Спрашиваю Шкловского // Литературное Обозрение. 1990. № 6. С. 95). В 1934 году, будучи в составе писательской делегации на Беломорканале, Шкловский произнес знаменитую остроту о том, что чувствует себя в этих местах, «как живая чернобурка в пушном магазине» (К 100-летию со дня рождения В. Шкловского. Изюм из булки / сост. В. Шкловская-Корди // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 322).

или случайно меняла траекторию, то Шкловский мог угодить в такой счастливый перерыв. После того как в 1926 году вышел его автобиографический роман «Третья фабрика», стало ясно, что готова трилогия экспериментальной прозы, соединившей традиции Василия Розанова и Владимира Дорошевича с анализом литературной кухни. Вернувшийся Шкловский освоился в Москве, погрузился в работу на кинофабрике и оставил формализм для кулуарных бесед и переписки с друзьями из Ленинграда. Эмигрантская одиссея, возвращение и карьерный сдвиг направили его по стезе долговременной и продуктивной. Какую бы критику ни вызывали местами однообразные, но неизменно яркие книги Шкловского, они будут более или менее регулярно издаваться еще полвека.

Борис Эйхенбаум писал о друге в книге «Мой временник»: «В наше строгое скupое время его назовут, пожалуй, “властителем фразы” — до такой степени манера его вошла не только в литературу, но в письмо, в быт, в разговор, в студенческие рефераты. <...> Шкловский сумел не стать беллетристом, но тем не менее доставил им много неприятностей своими книгами»⁸. Имеется в виду принципиально двойственная позиция автора — литератора и критика, знатока словесной технологии, которому тесно в границах творчества и требуется анализировать свое и чужое слово. Шкловский, единственный из литературоведов XX века, стал объектом пародии для Андрея Платонова и Михаила Булгакова, а Вениамин Каверин и вовсе написал о нем целый роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1929). Виновник этого торжества отвечал книгами, которые подтверждали верность наблюдений о свойствах его письма: лесенка афоризмов и рубленая фраза, иногда яркая настолько, что уже и смысл не важен. Не напрасно Шкловский был в юности футуристом и начинал свой путь в литературе с устного слова, о чем не забыл и к глубокой старости. В 90 лет он писал: «Заум-

⁸ Эйхенбаум Б.М. О Викторе Шкловском [1929] // Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Художественная проза и избранные статьи 20—30-х годов. СПб.: Ина-Пресс, 2001. С. 136.

ный язык многоязычен. А я обо всем стараюсь сказать на нескольких страничках. Я говорю, а мои слова прячутся за буквы. Потом их покроют литеры, как кольчуга тело воина. Она предохраняет от ударов, но двигаться и дышать в ней неудобно⁹. Современный читатель, все меньше знающий, что такое типографские литеры, обратит внимание на разницу между летящей речью и тяжелой печатью.

Два сталинских десятилетия Шкловский пережил как киносценарист, автор исторических романов, в наименьшей степени — как эссеист. Журнальная наука, которой он и его друзья-формалисты были поглощены в 1920-е годы, подверглась основательной заморозке. После 1934 года, когда в стране официально осталась одна литературная группа — Союз Писателей, наука распределилась по нишам текстологии, подготовки комментариев к юбилейным (и не только) собраниям сочинений, что вкупе с разорением и дискредитацией теоретического знания привело к затяжному господству гуманитариев-позитивистов. Для них факт — величина постоянная, а прошлое имеет самодостаточную ценность. Теория потерпела поражение на полях советской науки. О каких спорах и альтернативах могла идти речь, если марксистско-ленинское мировоззрение — и то избавилось от своих генетических связей? Для Шкловского, сначала вяло, а затем все увереннее игравшего по советским правилам, это время измен и компромиссов начиналось с неподдельного желания прочесть Гегеля, чтобы освоить законы марксистской диалектики¹⁰. Завершалась же эта страшная эпоха бесславной риторикой, заимствованной из показательных процессов: «Немец Гегель читал лекции о мучительном иге внешней необходимости, о том, что стесненность существующими условиями делает тщет-

ной полную независимость, и что борьба личности за свою поэзию против прозы жизни есть содержание искусства. Не нашего города, не нашего года гражданин Гегель»¹¹. Этот мрачный угрожающий язык тоже оказался по силам реформатору науки о словесности, классику революционного авангарда.

Впрочем, уцелевший формалист отаял под влиянием оттепели, которая хоть и обманула восторженные ожидания, но какие-то шлюзы все-таки открыла. Шкловский снова энергично пишет и выпускает книжки с середины 1950-х, но язык, испорченный приспособленчеством, а также неизбежно надвигающаяся старость сильно снижает качество издаваемого материала. Книгу «За и против. Заметки о Достоевском» (1958) бывший друг Роман Якобсон раскритиковал в первом номере своего журнала по славянской филологии¹². Шкловский преувеличенно обиделся и прибегнул к популярному аргументу того времени о непередаваемой специфике, которую Запад якобы не понимает в силу исторического отставания от стран социализма¹³. Сентиментальное, если не эrotическое сравнение дружбы Шкловского и Якобсона с «двумя поршнями в одном цилиндре»¹⁴ осталось в формалистском прошлом. В 1964 году Якобсон приехал в Москву на конгресс антропологов и в гости к Шкловскому не пошел. Втайне от слависта его жена Кристина Поморска зашла к Шкловскому, но переданные с нею книги Шкловского с дарственными надписями Якобсон отверг¹⁵.

Судьба любого человека с бурной биографией рано или поздно превратиться в источник сведений об эпохе. Шкловский ворвался в литературу с дерзкими мемуарами 30-летнего человека и вторично вошел в ту же реку степен-

⁹ Шкловский В. О заумном языке. 70 лет спустя / публ. М. Марцадури // Русский литературный авангард. Материалы и исследования / под ред. М. Марцадури, Д. Рицци, М. Евзлина. Тренто, 1990. С. 258.

¹⁰ «Надо начать читать Гегеля», — декларирует Шкловский в письме Эйхенбауму от 16 января 1928 г. (Из переписки В. Шкловского с Ю. Тыняновым и Б. Эйхенбаумом / публ. О. Панченко // Вопросы Литературы. 1984. № 12. С. 190).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 9.

¹² Якобсон Р. За и против. Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vols. I/II. P. 305–310.

¹³ Шкловский В. Против // Вопросы Литературы. 1960. № 4. С. 99.

¹⁴ Шкловский В. Третья фабрика. М.: Круг, 1926. С. 66.

¹⁵ Подробнее см.: Ронен О. Audiatur et altera pars: о причинах разрыва Романа Якобсона с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. № 23. 1997. С. 164–168.

ным шагом 70-летнего классика с книгой «Жили-были» (1964). До конца жизни он будет пытаться писать не только о себе, но книги «Тетива» (1970) и «Энергия заблуждения» (1981) лишь красноречиво иллюстрируют эту безнадежную борьбу. Не зря Шкловский так остро ревновал новомодный по тем временам структурализм, выдвигая против него импрессионистические и неубедительные возражения. Он чувствовал, что лучше всего ему удаются воспоминания, что его наука — это песок, утекающий сквозь пальцы, а чужая, какой бы крепкой и мощной она ни была, ему не нужна.

Шкловский до конца жизни сохранил мастерство ритмичной фразы и вкус к жонглированию афоризмами. Предлагаемая книжка бесед 1967—1968 и 1981 гг. — не исключение. Поводом для этих разговоров, составивших основной массив издания, послужила историография Маяковского, чья фигура в 1960-е годы становится культовой. Именно тогда ему начинают приписывать функцию своего рода маяка, высвечивающего и свое ближайшее окружение, и весь материк довоенной советской литературы. В книге представлены и снабжены комментарием Владимира Радзишевского расшифровки магнитофонных записей Виктора Дувакина, — известного архивиста «живых голосов» советской литературы, науки и искусства. Эти беседы обнаруживают интересный эффект необработанного слова. Минная «устность» письменных текстов Шкловского достигалась за счет множественной и самой кропотливой редактуры. Здесь ее нет, и быть не должно, выбрана другая прагматика. Речь Шкловского, не подвергшаяся обработке в свое время и ныне представшая историческим памятником, вдруг остраниет его самого и заставляет увидеть иным, нежели он привык себя конструировать, как бы ему самому ни хотелось разучиться это делать. Устный Шкловский обескураживает — синтаксисом, фразеологией, темным словоупотреблением, но поражает способностью наблюдать за рождением собственной речи. Как он сам, приметив недовумение интервьюера, замечает в одном месте: «Ну а зачем, чтоб было не сбивчиво?» И Дувакин тут же соглашается: «Правильно, пусть разбираются в XXI веке».

Виктор Борисович Шкловский Первая беседа

(14 июля 1967 г.)

Беседу ведет В.Д. Дувакин*

* Фонограммы хранятся в Отделе устной истории Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова
Беседа опубликована на сайте <http://oralhistory.ru/>
Кассеты № 12, 13.